ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Лица после перелицовки

Около 84 тысяч писем получила редакция в ответ на анкету «Фильм года». На днях мы рассказали о фильмах-победителях. Сегодня — разговор о ленте, которая заняла одно из последних мест в шкале читательских мнений.

Лишь единицы из десятков тысяч наших читателей называют фильм «Только вдвоем»*. Это удивило: ведь фильм сделан по повести «История одной любви» А. Тоболяка, а повесть так читалась! О ней спорили, за ней выстраивались очереди в библиотеках... Отчего такие ножницы?

Размышляя о природе той или иной неудачи кинематографа в молодежной теме, мы главной называем причину: незнание, непонимание сегодняшнего мира молодых, их психологии, их состояния души. И это незнание никаким, даже и очень талантливым, усилием режиссера не перекрыть. Но тут-то есть основа. Успех повести у молодого читателя был не случаен, в ней явно был задет какой-то современный нерв.

Вспомним.

ВСТРЕТИЛИСЬ двое, и мир, до того шумный и пестрый, — вчерашняя школа, завтрашний институт, сегодняшние тревоги родителей — внезапно затих. Двое в комнате — «Мы внутри барокамеры». Но это только кажется. Мир ворвется в барокамеру и спросит — кто они, эти двое? И тогда мы узнаем, что безоглядно-доверчивая, робкая, нежная Катя еще и очень самоотверженная. А он, Сергей, самолюбивый, уверенный в себе, резковато-напористый — еще и искренний, еще и начисто лишенный расчета, и очень принципиальный.

Сначала мир предстанет в образе Катиной мамы. Но не вполне оправданное материнское беспокойство — семья в 17 лет, не рано ли? — столкнет в конфликте Катину маму и Сергея. Мама Кати потому так упорно сопротивляется их любви, что чувствует в человеке, которого выбрала Катя, нечто враждебное себе, своему представлению о жизненных ценностях. Джинсы, готовность сняться с места в любую минуту, презрение к житейским благам — уж не хиппи ли он, этот довольно бесцеремонно ворвавшийся в их жизнь человек? «Не чувствуют времени, понимаете?» — возмущается Сергей.

Не слепое материнское чувство, а вполне осознанное «чувство конъюнктуры» — вот что движет Катиной мамой. Тут Сергей беспощаден. Но ведь он и себя не щадит тоже. Исчерпав все аргументы, с безоглядностью, достойной их 17-ти, Сергей и Катя покупают карту Сибири. Выбор сделан — они улетают. Далеко. На Север.

Что ж, в молодости часто кажется, что конфликты именно так и разрешаются — чисто географическим перемещением. Потом уже придет сознание того, что с помощью одного лишь расстояния ни от чего нельзя уйти и ничто нельзя приблизить...

Двое улетают — а конфликт продолжается. Потому что первое, с чем приходится столкнуться Сергею в радиокомитете, где он теперь работает, как раз есть то самое отсутствие «чувства времени», которое бесит его в родителях Кати. В корреспонденциях, которые передаются в эфир, он остро чувствует ложный пафос, красивости и со свойственной его характеру нетерпимостью восстает против них. Просто-напросто правит, как считает нужным, заметку, написанную человеком, который старше его не только по возрасту, но и по своему служебному положению. Когда же в ответ на это нарушение всякой субординации слышит гневное: «Молокосос! Сопляк! Ты еще на свет не появился, а я уже печатался», не задумываясь, отвечает: «Отечественной журналистике это не пошло на пользу»

В конфликт втягивается коллектив, а затем и городское начальство — это уже вам не родители! — масла в огонь добавляет дружба Сергея с молоденькой медичкой, дружба, которая заместителем редактора редакции Миусовой воспринимается как «незаконная связь». Сплетня, как это еще иногда бывает, принимается за достоверную информацию, ханжество одного прорастает в общественное лицемерие, происходит собрание коллектива с персональным делом Сергея — что там Катина мама!..

А разрешается конфликт снова так же — уходом. Сергей уходит из редакции. Но, как и прежде, не сдается. И не идет на компромисс. Компромисс предлагает главный редактор.

Главный редактор Воронин — третий герой этой истории. И, пожалуй, главный. Не потому только, что от его лица идет рассказ истории одной любви. А потому, что искренность, безоглядность, бескомпромиссность Сергея и Кати вызывают в его собственной душе беспокойство. И это его неспокойство — лейтмотив повести. «Я никогда не мог сесть в поезд, не зная, на какой станции сойду», — признается Воронин. Это Сергей и Катя, сами того не подозревая, толкнули Воронина на конфликт с Ворониным. 42 года — это «уже» время подводить итоги. Хотя, может быть, и «еще» — «Я, может быть, хочу, Сережа, начать все сначала». И если это «может быть» будет вынесено за скобки: «О... как широко бы я шагал. Как ни одной поблажки не сделал бы своей совести! Как жил бы!»

Но не чувство благодарности к людям, которые помогли ему заметить тонкий пока еще душевный жирок, заставляет Воронина заботиться о Сергее и Кате, а понимание того, какие конфликты ждут Сергея впереди: судит о людях часто излишне прямолинейно, «а человек не так прост, как тебе кажется. Надо уметь ценить и маленькие достоинства и уметь прощать»

Двое в зеркале друг друга. И не только Воронин в этом зеркале сумел увидеть себя так, как не видел раньше. Сергей тоже... «Я о чем писал? — размышляет он о задуманном им романе. — О себе. Кто главный герой? Я. Чем занимается герой? Пишет повесть. О ком? Обо мне. Понимаете? Замкнутый круг. Красные флажки! В середине я и книжки, а за флажками весь мир. Не прорвешься».

Он делает попытку прорваться. Снова, увы, с помощью одного лишь расстояния... Они с Катей садятся в самолет, снова летят — еще дальше на север, в тайгу. Что будет там? И куда в случае чего лететь потом? Об этом думает, стоя на летном поле, Воронин. Он оглядывает «длинную будничную дорогу, по которой им придется долго шагать». «И потому на душе у меня так неспокойно, как при тяжелой болезни...»

На этой щемящей ноте и заканчивается повесть. Но не в буднях, думается, а в самом характере Сергея заложены зерна его будущих поражений... Самолюбие его может скатиться до гонора, максимализм — до эгоизма, позиция — до позы. То, что было смыслом, может стать просто стилем. Приходилось встречаться с такой трансформацией иных сергеев на середине «будней» дороги...

И ВОТ ФИЛЬМ, спустя годы, — какая возможность додумать недодуманное, проявить недопроявленное и — что представляется в особенности важным — сделать более отчетливой тревогу Воронина.

И первые кадры тревожат. Увы, эта тревога совсем иного свойства... Кто эти незнакомые двое? Миловидная, в кудряшках девушка невыразительной тенью бродит за округло-самодовольным парнем — где же трепетная, узколицая Катя, угловатый, длинноногий Сергей? И Т. Васильеву, и С. Колесникова ждет, быть может, прекрасная актерская судьба, они только начинают — но тут, в этой истории, они так случайны... Как случайна и встреча их героев, и их чувство. «Только вдвоем», а любви-то нет: она лишь в словах, да в красивых позах на фоне красивых московских зданий.

Кому отстаивать высокие жизненные принципы?

Впрочем, и в противоборстве с кем — тоже вопрос... Волею авторов фильма актрисе Стриженовой, играющей мать Кати, дано всего лишь несколько незначительных фраз. Эти фразы ее заставляют произносить на фоне чудовищно-красных обоев и, да разумеется, дорогого мебельного гарнитура — чтоб мы, не приведи бог, не ошиблись: перед нами мещанка. Это от нее-то — улетать так далеко? И как можно вступать в серьезный спор с Миусовой — схемой ханжества, кочевавшей уже десятки лет назад из фильма в фильм? Какую угрозу журналистике может таить в себе Суворов, по воле создателей фильма, ставший эдаким незадачливым добряком?

Из образов, противостоящих Сергею, вымыты намеченные в повести черты общественного зла. Потому-то нет и не может быть серьезного конфликта...

Но схемы, сюжет-то остались. И вот мечется по экрану парень в дорогой дубленке, уверовавший в свою гениальность, и грубит всем направо и налево. Вместо самолюбия у него гонор, максимализм его совсем не от той высоты, на какую он ставит свой жизненный идеал, а от той высоты, на какую он ставит себя. То, что было смыслом, становится просто стилем. Я повторяюсь не случайно.

Но, может быть, разглядев спустя годы что-то настораживающее в Сергее, авторы фильма встревожились больше, чем в повести Воронин? И если не осуждают Сергея, то во всяком случае не любуются им?

Увы, любуются. В фильме нет и намека на ту тревожную ноту, какой повесть заканчивается. Люб авторам фильма этот Сергей, прав — иначе чего это с ним так возится главный редактор Воронин? И уговаривает, и заступается, и только иногда поругивает, не меняя выражения лица?

В фильме с Ворониным вообще никаких изменений не происходит. То, что было контрапунктом повести, в фильме исчезает совсем...

Что же осталось? Пожалуй, только способ поиска истины и приобретения жизненного опыта. С помощью расстояния. Чем дальше — от чего? — тем лучше. Что расцвело пышным цветом в фильме, по сравнению с повестью, — так это экзотика Севера. Глядя на кадры с живописными чумами, несущимися оленями, восходящими и заходящими солнцами, искрящимися снегами, диву даешься, как это мог снять не какой-нибудь гастролер из тропических стран, а оператор Свердловской студии.

Фильм кончается нетерпеливыми возгласами двух: «В стадо, стадо!» Смотришь все это и вспоминаешь строки из корреспонденции Суворова, вычеркнутые безжалостной рукой Сергея: «Канающие слюни медведя», «объятые ужасом лица разведчиков недр» (Сам-то он, по свидетельству главного редактора, писал «просто и непатетично»).

Это что же — всерьез, утверждение, что только там, в тайге, в оленьем стаде можно найти смысл жизни? В таком случае, что думать о себе тем, кто смотрит сейчас этот фильм в своем сельском клубе, в деревеньке Нечерноземья, к примеру?

— НУ ЗАЧЕМ так уж... случилась неудача, с кем не бывает, — могут возразить. Но просто неудача ли? Ведь в фильме по сценарию А. Тоболяка начисто отсутствует то чувство времени, которым так щедро наделил Сергея автор повести А. Тоболяк. Режиссерское прочтение демонстрирует тот способ мышления, с которым борется в повести ее главный герой! Можно ли это объяснить лишь одними чисто профессиональными просчетами? Увы, перед нами не неудача, а сдача позиции. И не приоткрывает ли нам история с «Историей одной любви» еще одну причину провала иных молодежных лент? Тут уж не о судьбах отечественной кинематографии задумаешься, как задумывается об отечественной журналистике Сергей. А о судьбах реальных сергеев и реальных кать. Не показались бы им циничными те рассуждения о совести, о принципах, которыми движет повесть, когда они выйдут из кинотеатра, посмотрев фильм...

И. РУДЕНКО.

* Автор сценария А. Тоболяк. Режиссер-постановщик Г. Кузнецов. Свердловская киностудия.

Комсомольская правда. — 1978. — 22 марта.